

Золотые глаза Цзинь Шианя налились кровью, но Лушэн лишь взглядом остановил его, не давая вымолвить ни слова. Оба смотрели на Цзинь Чжунмина. Тот переложил трость из левой руки в правую, затем обратно — очевидно, старик все еще кипел от гнева, но слова Лушэна все же задели его за живое.

Как мог Цзинь Чжунмин не понимать? Его внук был слишком деятелен, каждый его шаг привлекал к себе ненужное внимание. Даже Чжан Цзинцян называл его внука талантом, способным лишь приумножать наследство. Бай Лушэн был прав: сейчас династический брак — не лучший выход, куда разумнее затаиться и выжидать. Если удастся убедить окружающих, что Цзинь Шиань окончательно лишился рассудка, а старик в этом доме уже немощен, возможно, удастся выиграть еще несколько лет. За это время можно придумать сотни способов спасти состояние, по крупицам, словно мышь, переносящую зерна в нору, но все же сохранить хоть что-то.

Когда-то он оставил Цзинь Шианя на улице Жунчжуан с той же целью — чтобы во всеуслышание объявить: председатель Цзинь больше не в силах вести дела. Только тогда он думал, что внук лишь притворяется, дабы избежать беды, и не предполагал, что сегодня это притворство обернется правдой.

Заметив, как смягчилось выражение лица старика, Лушэн подполз на коленях еще ближе:

— Я знаю, что низок родом и недостойн служить вам, но умоляю, проявите милосердие, позвольте мне принять на себя этот удар за молодого господина. Два года, дайте мне всего два года. Как только дела дома Цзинь будут улажены, я немедленно покину Нанкин и во веки веков больше не покажусь господину на глаза.

Цзинь Чжунмин невольно перевел на него взгляд.

Лушэн, сплевывая кровь, смотрел на него с мольбой:

— Если вы не доверяете мне, то в день моего ухода можете изуродовать мое лицо или лишить меня голоса, я не пророню ни слова жалобы. Все, что у меня есть — от господина, и я готов принять любую вашу волю. — Он снова и снова начал бить поклоны. — Умоляю, проявите прозорливость! Подумайте хотя бы о благе молодого господина!

Цзинь Шиань, стоявший рядом, оцепенел.

Что это значит? Дед еще не вынес решения, а Лушэн сам назначил срок в два года? Он готов покинуть Нанкин, готов изуродовать себя?

Ради чего? Зачем?

В зале стояла мертвая тишина, слышны были лишь глухие, болезненные удары лба Лушэна о пол. Темная кровь стекала с его лица, капая на узорчатую плитку.

Цзинь Чжунмин остановил его тростью и глухо произнес:

— Видно, он не зря тебя кормил.

Услышав это, Лушэн, не смея открыто выражать радость, с надеждой посмотрел на старика. Цзинь Чжунмин постучал тростью по плитке, а затем внезапно обернулся к Цзинь Шианю:

— Раз так, придется мне тебя выпороть, а ты терпи.

Цзинь Шиань опешил. Все же шло хорошо, с чего вдруг такая порка?

Цзинь Чжунмин, опираясь на трость, медленно поднялся:

— Ты заварил такую кашу, я должен дать ответ Цинь Е. Если не высеку тебя, куда Цинь Сюаньхуэй деваться? Ей еще замуж выходить! Раз ты — дитя дома Цзинь, рожден для него и жить должен ради него, опускайся на колени.

Цзинь Шиань не посмел перечить. Конечно, ему не хотелось получать удары, но мысль о том, что после этого его избавят от навязанного брака, показалась ему выгодной сделкой. Председатель Цзинь с гордым видом без лишних слов опустился на колени.

Проклятое старое общество, — подумал он, стоя на коленях, — когда-нибудь я вместе с коммунистами вас всех свергну!

Люди, пришедшие с Цзинь Чжунмином, действовали решительно: двое схватили молодого господина за руки, не давая дернуться. Цзинь Чжунмин добавил:

— Как закончим, поедешь со мной домой лечиться. Я заставлю Цинь Е лично прийти на тебя посмотреть, чтобы у него не осталось возражений.

Цзинь Шиань, которого держали под руки, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Лушэн же, заливаясь слезами, в отчаянии обхватил ноги старика:

— Дедушка! Господин только оправился от болезни, его нельзя бить! Умоляю, проявите милосердие, лучше убейте меня!

Цзинь Чжунмин даже не взглянул на него:

— А ты кто такой?

Лушэн, распростертый у его ног, взмолился:

— Раз уж мы сказали, что он не женится на госпоже Цинь из-за меня, какая разница, кого бить — меня или его? Умоляю, сжальтесь! Господину нельзя снова пострадать! Прошу, проявите милосердие! — Говоря это, он снова начал биться головой об пол. За это время он поклонился столько раз, что его лоб уже покрылся синяками.

Цзинь Чжунмин усмехнулся:

— Что ж, похвальная верность. Хорошо, принимай наказание за хозяина.

Цзинь Шиань увидел улыбку деда, и до него дошло: старик и не собирался его бить. Он — единственный внук, как он мог поднять на него руку?

Цзинь Чжунмин просто хотел проучить Лушэна.

Цзинь Шиань пришел в ярость и закричал:

— Дед! За что?! Это его не касается!

Цзинь Чжунмин не обращал на него внимания, разглядывая искусную резьбу на потолочных балках. Лушэна потащили во двор. Вскоре из глубины дома донесся отчетливый, леденящий душу звук ударов дверного засова о живую плоть.

Цзинь Шиань больше не мог терпеть. Его прижимали к полу, лишая возможности пошевелиться, и он начал кусать все, до чего мог дотянуться. Окружающие были поражены: их всегда мягкий и воспитанный господин метался, как бешеная собака, и истошно кричал:

— Я женюсь! Женюсь, слышите?! Хватит бить! Прекратите!

Он рванулся к выходу. Лушэн был весь в крови. Горячие слезы хлынули из глаз Шианя, он уже ни о чем не думал, бросаясь на Лушэна, чтобы закрыть его собой:

— Хочешь его бить? Бей тогда и меня до смерти! Убейте нас обоих, этот мерзавец Цинь Е будет только рад!

Он не успел договорить, не слышал, что кричали остальные, в ушах звенел лишь слабый голос Лушэна:

— Брат, не надо так. Я сам согласился.

Цзинь Чжунмин уехал. Только благодаря мольбам тетушки Лю и дяди Чжоу он не забрал с собой Цзинь Шианя. Тетушка Лю, кланяясь до земли, умоляла:

— Если вы заберете господина в таком состоянии, боюсь, он не перенесет, когда придет в себя. Пожалейте его, пусть останется!

Цзинь Шиань, ударившись о дверной засов, даже в беспмятстве сжимал руку Лушэна. Цзинь Чжунмин долго смотрел на него, прежде чем приказать немедленно позвать врача.

В доме царила суматоха, а Цзинь Чжунмин сидел в пустом переднем зале и твердил одно и то же:

— Это мой грех, а расплачиваются дети.

Этот старик, исходивший весь свет, переживший падение династии Цин, следовавший за Чжан Цзинцяном и поддерживавший независимость новой Республики, повидал многое. Перемены в политике принесли ему опасные богатства, он прошел через штормы и бури, совершил немало сделок с совестью. Теперь же он понимал: небеса изменчивы, и за все рано или поздно приходится платить.

Лю Янь и Чжоу Юй с грустью смотрели, как его, поддерживая под руки, выводят за ворота.

А их господин очнулся лишь глубокой ночью.

— Где Лушэн?

Услышав этот первый вопрос, тетушка Лю почувствовала, как сжалось сердце, но и испытала облегчение. Вытирая слезы, она ответила:

— Маленький господин у себя, ему уже наложили лекарство, не волнуйтесь.

Цзинь Шиань устался в полог кровати:

— А дед?

— Уехал. Господин, выпейте сперва отвар женьшеня.

Цзинь Шиань попытался сесть, но голова пошла кругом. Тетушка Лю поддержала его, дядя Чжоу поднес чашку. Шиань, нетерпеливо отстранив лекарство, спустил ноги с кровати:

— Я найду его.

— Господин, прошу вас, выпейте сначала, чтобы и господин Бай успокоился, — уговаривали они.

Делать было нечего, Шиань залпом выпил отвар. В одной ночной рубашке, босиком, он бросился к комнате Лушэна, а Чжоу Юй бежал следом, неся его туфли:

— Господин! Наденьте обувь! Умоляю!

Уже совсем стемнело. В комнате Лушэна никого не было, лишь Шаньху сидела на корточках у порога. Шиань отправил ее спать, а Чжоу Юй придвинул кресло к кровати Лушэна.

Из-за ран Лушэн не мог лежать на спине, поэтому спал беспокойно. Услышав шаги, он открыл глаза и, увидев Цзинь Шианя, невольно улыбнулся.

Эта улыбка отозвалась в сердце Шианя острой болью.

Он попросил тетушку Лю и дядю Чжоу выйти, долго молчал, а затем тихо произнес:

— Покажи раны.

Лушэн смутился, но попытался улыбнуться:

— Все хорошо, кости не задеты. Дедушка не хотел причинить мне зла, это лишь для вида, чтобы господин Цинь был доволен.

Шиань потянулся к одеялу, но Лушэн пристыженно прижал край:

— Господин, не надо, раны неглубокие.

— Господин тебя не слушает, — отрезал Шиань.

Лушэн чуть не заплакал:

— Братец, не надо, через пару дней все пройдет.

Шиань рывком откинул одеяло, и оба вздрогнули: Лушэн от стыда, а Шиань — от ужаса. Разве это называлось неглубокими ранами? Обе ноги были в клочья, распухли, от пояса до колен — сплошное кровавое месиво, присыпанное порошком, что делало картину еще страшнее.

Теперь он понял, почему Лушэн не хотел показывать раны: из-за них он не мог носить одежду, и нижняя часть тела была обнажена.

Лушэн вцепился в подушку, сгорая от стыда:

— Прошу, не смотри, не смотри... — Он почувствовал, как что-то капнуло ему на ногу, причиняя жгучую боль. Шиань поспешно вытирал слезы: — Прости, я сделал тебе больно?

Лушэн лишь сейчас понял, что тот плачет.

Цзинь Шиань сел на край кровати и осторожно обнял его:

— На подушке лежать неудобно, так будет лучше.

Лицо Лушэна вспыхнуло, он чувствовал, как слезы Шианя каплют ему на лоб, и внутри обоих разливалось невыразимое волнение. Спустя долгое время Лушэн прошептал:

— Иди спать, это пустяки.

— Не уйду. Сегодня я останусь здесь. И буду оставаться здесь каждую ночь.

На душе у Лушэна было одновременно горько и сладко. То, что ты ценишь, другой человек тоже бережет — в этом мире нет ничего дороже. Разве стоит эта порка таких переживаний?

Видя, как хмурится Цзинь Шиань, он, стараясь поднять ему настроение, преодолевая боль, натянул одеяло и с улыбкой поддразнил:

— Чего ты плачешь? Ты ведь так и не сказал, сколько тебе лет?

Голос его был совсем слабым.

— Двадцать семь, — буркнул Шиань.

— В двадцать семь лет ты уже не ребенок, к чему такая сентиментальность? — Он погладил Шианя по щеке. — Ты просто привык к неге и никогда не видел, как наказывают людей. Дедушка не хотел меня убить, иначе бил бы не только по ногам. Это обычный способ воспитания в доме, когда господин в детстве провинился, его наказывали так же.

Шиань молчал.

— И петь на сцене это не помешает, — продолжал Лушэн. — Надену костюм, и никто не увидит. Дедушка все же бережет меня, не тронул лица.

А твои синяки на лбу и на губах — это, видимо, собака наставила, — подумал Шиань.

Он был вне себя от ярости, но выплеснуть ее было не на кого. Они молча смотрели друг на друга, а затем Шиань вздохнул и прислонился своим лбом к его.

— Лушэн, ты ведь знал, что дед ударит тебя, верно?

В глазах Лушэна тоже блеснули слезы.

— Если не меня, то ударил бы тебя. Как я мог позволить деду поднять на тебя руку? Господин Цинь должен был получить ответ.

— Поэтому ты и научил меня говорить те слова?

Да, Лушэн не рассчитывал, что Шиань убедит деда, он лишь хотел, чтобы гнев Цзинь Чжунмина переключился на него. Гнев старика был вызван отказом Шианя от брака, и Лушэн мастерски перенаправил его на себя.

Цзинь Чжунмин, конечно, злился на упрямство внука, но подстрекательство актера вызывало у него еще больше отвращения.

— Будь на моем месте настоящий господин, он не позволил бы тебе пострадать, — мрачно

сказал Шиань. — Он с самого начала не допустил бы, чтобы до этого дошло, верно?

С самого начала все было ошибкой. Его сегодняшняя импровизация была безупречна, слова, которым учил Лушэн, — тоже. Проблема была в том, что он — не господин Цзинь.

Настоящий Цзинь Шиань не стал бы так прямо отказывать госпоже Цинь. Он бы плел интриги, обманывал, как делал это шесть лет подряд с любой женщиной. Даже если бы он отказал Цинь Сюаньхуэй, он не валялся бы в постели до полудня, потому что ему не пришлось бы ни о чем советоваться с Лушэном. Он бы с утра отправился к Цинь Е и деду, перекрыв им все пути к отступлению. У настоящего господина Цзинь были тысячи способов действовать на опережение, он бы даже женился на нелюбимой, если бы того требовала выгода.

Только теперь Цзинь Шиань понял: он совершил все ошибки, какие только мог, пытаюсь рассуждать как господин Цзинь. Действия были от А, а реплики — от Б. И был лишь один человек, который мог обучить его этим репликам — Бай Лушэн, всегда находившийся рядом.

Прокол был очевиден с самого начала.

Лушэн не мог этого не знать. Он понимал: для него этот глупый напарник бесполезен, и со всем придется справляться самому.

Напарник хотел свободы в браке, а Бай Лушэну пришлось платить за это своей кровью.

Цзинь Шиань почувствовал небывалую горечь. Он пришел в этот мир с козырями в руках, но не смог защитить даже своего бестолкового напарника.

Бестолковый здесь — он сам.

— Лушэн, я не твой господин. Тебе не стоило так рисковать ради меня.

Он признавал, что лжет, чувствуя уколы ревности, хотя и не понимал, к кому именно.

Лушэн замер, даже его лоб покраснел:

— Ты не такой, как он... Я сделал это не ради него.

Шиань не понял смысла его слов и еще больше расстроился:

— Да, я другой. Он талантлив и образован, а я ничего не умею. Ты меня не любишь, поэтому через два года хочешь уйти!

Лушэн растерялся, в его сердце странно отозвалась тоска и какой-то трепет.

Видя, что Лушэн молчит, Шиань уткнулся лицом в его шею:

— Забудь, не говори ничего. Не хочу слышать.

В эту ночь они держались за руки, но мысли каждого были далеко. Цзинь Шиань не сомкнул глаз, вспоминая кровавые раны на ногах Лушэна. Те, кого привел дед, знали свое дело: каждый удар был рассчитан так, чтобы не повредить кости, но причинить максимум боли плоти. Неизвестно, была ли в этом хоть капля совести или же сплошная жестокость. В летнюю жару такие раны заживают дольше костных, и если не ухаживать как следует, останутся отвратительные шрамы.

В сценическом костюме их не видно, но без одежды...

Это было сделано так, чтобы никто больше не захотел смотреть на его тело.

Они ведь ничего не совершили! Он и настоящий господин Цзинь всегда держались достойно, но в глазах Цзинь Чжунмина актер, выходец из низов, не мог быть «чистым».

Бай Лушэн с самого начала был лишь пешкой в руках старика, пешкой в руках молодого господина. Им нужно было прикрытие, им нужен был человек с грязным происхождением, но благородной душой. Они выкупили его с реки Циньхуай, заставили быть вечно благодарным и дали статус наложника, от которого он не мог избавиться. Они использовали его в своих играх, а когда нужно было — делали из него громоотвод.

Он сам все слишком упростил. В этом мире нет ничего простого. У каждой эпохи своя жестокая логика. Когда он подписывал соглашение о слиянии компаний, он не думал о том, сколько людей останется без работы. Когда разорял конкурентов, не думал о том, не захочет ли их директор выброситься из окна. Точно так же Цзинь Чжунмин с легким сердцем использовал Бай Лушэна.

Цзинь Шиань признал, что был негодяем. Прошел год с тех пор, как он попал сюда, и за этот год он ничего не сделал, лишь трусливо прятался за чужим именем, не желая адаптироваться.

Его прошлая жизнь была далека от идеала: властная мать, отец, считавший себя всегда правым. Мать учила его «держаться лицо», а он ненавидел, когда его контролируют. Став председателем, он получил в заместители такую же властную женщину, напоминавшую мать. Его жизнь всегда была расписана кем-то другим, он был марионеткой. Постепенно он привык общаться с людьми через деньги, потому что в эпоху капитала искренность — редкость.

Разве не так? Родители ссорились из-за денег, заместительница подсигивала его, подруга предавала. К двадцати семи годам он привык к предательству. Где-то в глубине души он считал это перемещение во времени компенсацией за все, чего он был лишен. Там у него были только деньги, здесь — еще и власть. Он хотел делать все, что заблагорассудится.

Жаль только, что образ «молодого господина» оказался слишком совершенным. Совершенным до такой степени, что он не мог его вытянуть.

Он пытался подражать ему. Как-то раз, дурачась, он расспрашивал Лушэна о прошлом, и тот

принес ему стопку газет. На фотографиях был утонченный, элегантный господин Цзинь, перерезающий ленточки, а рядом — хвалебные статьи: «Юный талант, гордость коммерции, благородный муж».

Ниже — еще куча мелкого текста, бездумного восхваления этого «великого ума».

Цзинь Шиань был в отчаянии. Он повернулся к Лушэну:

— Это что, обо мне пишут?

Лушэн с улыбкой ответил:

— Газеты пишут всякую чушь, не принимайте всерьез.

Цзинь Шиань почувствовал облегчение:

— Вот именно, я так и сказал...

Лушэн кивнул:

— Если говорить о способностях, то он в десять тысяч раз лучше, чем здесь написано.

Цзинь Шиань: «...»

В доме было полно книг на иностранных языках, которые он не понимал. Шиань, чувствуя себя неуютно, спросил:

— Я... он... часто читает такие книги?

— Конечно, — с гордостью ответил Лушэн. — Помимо всего прочего, он был невероятно образован.

Шиань попытался спасти остатки самоуважения:

— О, он заканчивал университет?

Лушэн задумался:

— В коридоре Национального Юго-Восточного университета, кажется, до сих пор висит его фотография.

Шиань снова выдохнул. Хорошо, хоть в этом он не уступал. Он ведь тоже учился за границей, пусть и в заштатном вузе ради диплома, но все же.

По крайней мере, английский у него лучше! — утешил себя «председатель».

Лушэн нахмурился:

— На самом деле, университета было мало. Несколько лет назад он настоял на поездке в Англию, учился в университете иностранцев.

— ...Оксфорд?!

Лушэн покачал головой, вспоминая:

— Как-то на «К»... «Кембридж».

— ...

Цзинь Шиань хотел плакать.

Эти изысканные мальчики, они даже удары наносят с такой отсрочкой, что не успеваешь увернуться.

<http://bllate.org/book/19790/1950120>